

УДК 930(47)

doi 10.17072/2219-3111-2022-3-70-78

Ссылка для цитирования: *Нагорная О. С.* Советская экспертиза в глобальных дискуссиях о культурном наследии и распространении грамотности на пороге «долгих 1970-х годов» // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3(58). С. 70–78.

СОВЕТСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ГЛОБАЛЬНЫХ ДИСКУССИЯХ О КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ И РАСПРОСТРАНЕНИИ ГРАМОТНОСТИ НА ПОРОГЕ «ДОЛГИХ 1970-х ГОДОВ»

О. С. Нагорная

Ярославский государственный педагогический университет, 150000, Россия, Ярославль, Которосльская наб., 46в

nagornaja.oxana@mail.ru

ORCID: 1-8476-4400

ResearcherID: R-3351-2019

Scopus Author: ID: 35772771500

Научные дискуссии вокруг специфики 1970-х гг. в условиях трансформации холодной войны от разрядки до обострения противостояния политических блоков, ускорения процессов региональной интеграции, интенсивного уплотнения экономических связей, роста влияния транснациональных корпораций, диверсификации международных структур породили множество метафор, использующихся в качестве эвристического инструментария: «вторая модерность», «вторая волна глобализации», «долгие 1970-е». Все они подчеркивают появление новых глобальных вызовов, значимых для всех стран вне зависимости от их стереотипного отнесения к «первому», «второму» и «третьему» миру. Одним из актуальных вопросов в исследовательских дебатах является роль социалистического лагеря и конкретно СССР в динамике данных процессов. В последние годы наметилась тенденция по пересмотру представлений о нежизнеспособности восточного блока в условиях новых вызовов в пользу более осторожного тезиса об интенсивной включенности и даже его определяющей роли в конструировании облика глобального мира. Данная статья ставит своей целью выявить представленность советского экспертного знания в создании и распространении глобальных концепций доступности культурного наследия и всеобщей грамотности на пороге «долгих 1970-х гг.». Автор изучает степень включенности советских специалистов в международные проектные группы, работавшие под эгидой ЮНЕСКО в постколониальных странах. Бурные внутриведомственные дискуссии, специализированные издания организации, эго-документы открывают перед читателем завесу сложного переплетения идеологических факторов и личных амбиций в логике холодной войны и идеалов культурного интернационализма. Открытым для дальнейших исследований, по мнению автора, остается вопрос обратного трансфера глобальных концепций культуры и образования в советскую институциональную практику.

Ключевые слова: холодная война, «долгие 1970-е», ЮНЕСКО, культурное наследие, распространение грамотности, советские эксперты.

Введение

В 1968 г. широкие слои населения многих стран поставили под вопрос сложившийся общественный консенсус: Пражская весна в социалистическом лагере и студенческие волнения в капиталистическом спровоцировали активные публичные дискуссии вокруг моделей будущего социального устройства. Глобальные вызовы новой природы затронули обе социально-экономические системы и стали рубежом развития как биполярного противостояния, так и взаимоотношений между так называемыми «первым», «вторым» и «третьим» мирами. Десятилетие между 1968 и 1979 гг. превратилось в период наиболее интенсивного сотрудничества СССР и западных стран в рамках «разрядки», временем активного поиска точек взаимных интересов и обсуждения перспектив совместного развития [Шаттенберг, 2018]. Стремительное превращение сферы международного сотрудничества в многоакторное пространство с участием постколониальной периферии, в диверсифицированный концептуальный и дискурсивный ландшафт, размывающий монополию государств и блоков на определение векторов глобально-

го развития, стало одним из признаков нового этапа развития холодной войны, который в последние годы описывается в научных дискуссиях как «долгие 1970-е» [Doering-Mantaeuffel, 2014, S. 321–348; Липкин, 2020; Soviet world, 2021].

Многофакторному научному осмыслению описанных процессов до сих пор препятствовали устойчивые интерпретации, сложившиеся под влиянием краха восточного блока и доминирования представлений о его нежизнеспособности в условиях глобализации. До недавних пор СССР и социалистическому лагерю приписывалась роль жертвы, не способной поспевать за интенсивным развитием технологий, международным разделением труда и инновативными организационными формами, что в конечном итоге привело к краху восточного блока и смене биполярного порядка. При этом без внимания оставался тот факт, что в «долгие 1970-е гг.» общество социалистических государств выступало основателем и стержнем значительного количества межправительственных и неправительственных организаций, принимало непосредственное участие в определении долгосрочных трендов развития. Лишь относительно недавно в историографии наметился поворот к отказу от игнорирования социалистического опыта в становлении и развитии современного глобального мира. В статье Дж. Марка и Т. Рупрехта найдена удачная метафора, меняющая привычную исследовательскую призму: социалистический лагерь именуется сопродюсером холодной войны [Mark, Rupprecht, 2020]. К данному пониманию привел ряд парадигмальных поворотов в исследованиях биполярного противостояния, определяемого в настоящий момент как глобальное пространство коммуникации, где множество (не)государственных институционализированных и частных акторов находились во взаимопереплетенных сетях, непрерывных интеракциях по интерпретации происходящего и генерированию смыслов, происходил постоянный поиск мотивов, ресурсов и ниш для участия, обмена и кооперации в условиях конкуренции систем. Радикальную переоценку пережила сама концепция железного занавеса: от разделяющей границы между капиталистическим и социалистическим мирами до границы коммуникативной и даже связующей противоборствующие политические порядки [Peters, 2004; David-Fox, 2014]. Современная историография отстаивает тезис о плюрализме культур холодной войны, в том числе о необходимости «провинциализации» западного мира в пользу глобальной периферии [Jarausch, 2017]. Отсюда развернувшиеся в последние несколько лет исследовательские дискуссии вокруг концепта «долгих 1970-х» («второй волны глобализации») должны быть неотъемлемо связаны с пониманием периода 1968–1982 гг. (в советском случае – до 1979 г.) как периода интенсивной представленности советского (социалистического) в глобальных порядках, авторитетной позиции советских экспертов в сфере образования и культуры, а также трансфера «социалистических» концепций при формировании транснациональных идеологий.

В данной статье речь пойдет о месте советского экспертного знания в транснациональной коммуникации по вопросам глобальной грамотности и культурного наследия на пороге «долгих 1970-х». В роли «культурных брокеров», выступающих медиаторами между политическими блоками и социально-экономическими укладами, в тексте рассматриваются эксперты ЮНЕСКО: сотрудники секретариата в Париже и в Москве, руководители и исполнители проектов на местах. В силу своего профессионального статуса и возложенной на них миссии, а также в силу понимания культуры как внеграницного феномена они транслировали это видение сквозь железный занавес, в основном между «вторым» и «третьим» мирами. Через образование формальных и неформальных сетей, трансфер парадигм и практик в отдаленных уголках постколониального мира они внесли свой вклад в складывание современных глобализированных категорий «второй модерности», повлияв, как предполагается, на национальный (советский) дискурс о сохранении и доступности культурного наследия вне его традиционно советского, классового понимания.

Источниковую базу исследования составили архивные материалы делопроизводственного характера: переписка советских органов с представительствами ЮНЕСКО по кадровым вопросам и реализации конкретных проектов; описания актуальных вакансий и требований к кандидатам; автобиографии и характеристики советских специалистов; их отчеты с мест. Важным источником для реконструкции места советской экспертизы в глобальных дебатах о культурном наследии и всеобщей грамотности стали выпуски «Курьера ЮНЕСКО», распространявшегося на 13 языках во многих странах мира. Иллюстрированный журнал регулярно обращался к

советскому опыту в сфере работы с наследием, позиционируя его как один из самых передовых. Здесь же публиковались отчеты о наиболее успешных международных проектах, в основном в странах «третьего» мира, в которые были интегрированы специалисты из СССР.

Советские эксперты в ЮНЕСКО: практики отбора и продвижения

На 1 января 1967 г. в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже насчитывалось около 640 специалистов; дополнительные 125 постов были организованы на местах, в разных странах, но финансировались за счет обычного бюджета, т.е. взносов стран-членов. Помимо постоянных сотрудников, которые отбирались с помощью сложной матрицы квалификационных требований, национальных квот и закулисных интриг, для реализации конкретных программ и проектов в разных странах привлекались временные эксперты. К примеру, в течение только одного 1967 г. ЮНЕСКО планировала привлечь около ста специалистов для работы по временным проектам в сфере развития грамотности, в основном в развивающихся странах (ГАРФ. Ф. Р-9519. Оп. 1. Д. 196. Л. 79). Временные сотрудники работали на местах по контрактам, часть из которых финансировалась из национальных бюджетов. В последнем случае требования к кандидатам выдвигались не только бюро ЮНЕСКО по кадрам, но и принимающей стороной.

Помимо критериев отбора, предписанных советским руководством по отношению к выездным специалистам [Орлов, Попов, 2016], при определении уровня и содержания международной экспертности во второй половине XX в. информативными являются параметры самих международных организаций. К примеру, ЮНЕСКО уделяла пристальное внимание не только уровню квалификации, но и наличию узкоспециализированного опыта, в частности по реализации программ образования взрослых, ликвидации неграмотности либо по осуществлению программ международных организаций и руководства интернациональной группой экспертов (ГАРФ. Ф. Р-9519. Оп. 1. Д. 196. Л. 14). Большую роль здесь играла включенность в сети транснациональной экспертной коммуникации, так как при выдвижении кандидатур в резерв, а особенно при назначении на руководство временными проектами, ЮНЕСКО запрашивала рекомендации у ведущих ученых из разных стран мира (Там же. Д. 197. Л. 44).

Одним из важных критериев к работе постоянных представителей и временных (проектных) экспертов было знание иностранных языков, прежде всего французского и английского, что значительно сужало круг советских кандидатур, особенно в таких специализированных областях, как физика, сельское хозяйство, транспорт. В отраслевых министерствах СССР запросы на экспертов не выполнялись годами вследствие отсутствия специалистов со знанием иностранных языков. Выходом из этой ситуации виделось проведение курсов языковой подготовки, но это не решало проблемы кадрового голода. Недостаточное владение иностранными языками советскими специалистами нередко становилось причиной конфликтов с руководством кадрового бюро в Париже (Там же. Д. 196. Л. 3). Часто это ограничивало число резервистов на когорте преподавателей специализированных вузов и дисциплин. Еще одним выходом из ситуации виделось привлечение переводчиков, которых советская сторона оплачивала вне бюджета самой международной организации (ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 1172. Л. 5–6).

Вопросы назначения экспертов из СССР в структуры ЮНЕСКО или на отдельные проекты были камнем преткновения для советских сотрудников секретариата и в Париже, и в Москве. Первые отслеживали ситуацию с ротацией кадров, пытались оказывать давление на руководителей кадрового бюро (аргументом здесь выступал размер взноса советской стороны в бюджет организации), устраивали для зарубежных коллег поездки в СССР в соответствии с принятыми канонами культпоказа. Сотрудники в Москве составляли резервные списки по различным отраслям: иногда из-за недостатка кадров эти списки были общими для нескольких международных организаций. Резервные кандидатуры одобрялись руководителями кадрового бюро ЮНЕСКО в ходе поездок в три союзные республики и личных собеседований, некоторые из резервистов ожидали назначения в течение нескольких лет, другие рассматривались сразу же на несколько проектов (Там же. Д. 571. Л. 72).

В некоторых случаях на конкретных специалистов из СССР поступал прямой заказ принимающей стороны; именно специализация советских представителей в сфере образования и культуры признавалась решающей для успеха всей интернациональной миссии. К примеру, в 1967 г. группа экспертов из Франции, ФРГ и СССР, намеченная к отправке в Тринидад для изучения системы среднего образования, на несколько месяцев задержалась с отправкой в ожи-

дании возвращения из консультативных поездок советского специалиста по финансированию образования Б. Ф. Ключникова (ГАРФ. Ф. Р-9519. Оп. 1. Д. 196. Л. 11–12). Приоритет советским экспертам в области общественных наук отдавался в развивающихся странах, вставших на путь социалистического развития. Так, из Лаоса в представительство ЮНЕСКО поступил запрос на направление специалиста для составления программы по философии, «пригодной для Востока». В заявке подчеркивалось, что западная философия не совсем подходит для современного Лаоса, поэтому необходимость состояла не только в документальном обеспечении, но и в проведении курсов для преподавателей и студентов (Там же. Д. 134. Л. 150). Следует оговориться, что часто подобные приоритеты искусственно создавались в ходе прямых переговоров и в результате давления на лояльные к советской политике постколониальные государства (ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 1765. Л. 25).

При анализе явления советской экспертности на международном уровне мы не должны забывать о теневых зонах отбора и организации участия. Иногда, по советской традиции, критерии квалификации при отборе на должности в ЮНЕСКО отходили на второй план перед идеологическими, пропагандистскими и тактическими соображениями. Уровень профессиональной и языковой квалификации кандидатов утрачивал свое значение, если речь шла о необходимости любой ценой сохранить паритет представителей социалистических и капиталистических стран в ключевых комиссиях. Особой сферой приложения усилий являлась квота Украинской и Белорусской ССР в структурах ЮНЕСКО в целом. Данная тема проходит красной линией в делопроизводственной переписке (ГАРФ. Ф. 9519. Оп. 1. Д. 200. Л. 94–97). Меньше, к примеру, советские руководящие органы волновало отсутствие женщин на значимых постах; для ЮНЕСКО это было принципиальным, хотя и неразрешимым на практике вопросом (Там же. Д. 149. Л. 155 об.). Многолетнее планирование кадровых перестановок могло быть нарушено, если просьбы об устройстве на работу конкретного лица в парижский офис поступали от представителей компартии во Франции (Там же. Д. 196. Л. 295–298).

Еще один аспект этой темы – влияние секретных служб на подбор и продвижение кадров. В своем дневнике за апрель 1970 г. Петр Шелест (член Политбюро и первый секретарь Компартии Украинской ССР) сделал запись о докладе председателя КГБ Никитченко по «некоторым специальным вопросам, в частности о посылке “своих людей” в представительство ЮНЕСКО» (Шелест). О частой невозможности развести понятие сотрудничества в ЮНЕСКО с деятельностью спецслужб свидетельствует также социолог и эколог Олег Яницкий, вовлеченный в проект ЮНЕСКО «Человек и биосфера»: «Мой первый визит в штаб-квартиру ЮНЕСКО едва не стал последним. Сразу же после окончания серии заседаний ко мне подошла незнакомая дама и стала задавать вопросы относительно нашей с В. Е. Соколовым статьи в журнале “Социологические исследования”. Это была настоящая проверка на профпригодность (и на возможную принадлежность к спецслужбам тоже)...» (Яницкий, 2014).

Традиционным для советской культурной дипломатии приемом являлось вовлечение экспертов в мероприятия ЮНЕСКО без их предварительного согласия. Так, известный советский историк Исаак Минц в своем дневнике жаловался на высокий уровень принуждения со стороны курирующих органов: «Опять в Париже. Позвонили мне из Академии наук буквально накануне отъезда в Узкое, – что-то около первого марта, – сказали, что меня рекомендуют из ЦК для доклада о Ленине в ЮНЕСКО. Я наотрез отказался, ибо обещал уже на 8 апреля лететь в Бухарест для участия (тоже с докладом) на сессии Академии наук. Тем не менее с моим отказом не посчитались и, когда я вернулся из санатория, даже еще не оправившись, мне предложили в апреле лететь в Бухарест, затем вернуться в Москву, и 13 апреля лететь в Париж» (Минц).

Глобальные проекты ЮНЕСКО: экспертное знание между культурным интернационализмом и логикой холодной войны

Среди множества проектов, реализованных советскими специалистами в рамках ЮНЕСКО и реципированных в том числе советским населением, одним из наиболее ярких представляется спасение уникального храма Абу-Симбел в Египте, который подлежал затоплению по проекту строительства Ассуанской плотины. В воспоминаниях советского министра энергетики Петра Непорожного подробно описываются культурно-историческое значение храма, сложность проекта по его переносу. Внимание уделяется интересной для инженерно-археологической операции специфике: «Вход в храм со стороны реки был выполнен так, что

первые лучи восходящего солнца попадали на сердце фараона. Эта деталь была очень важным условием в дальнейшем, когда было принято решение ЮНЕСКО по поднятию Храма на склон горы на высоту 70 метров» (*Непорожний*, 2000). В «Курьере ЮНЕСКО» этому интернациональному проекту с участием советских археологов и инженеров было посвящено несколько подробных публикаций.

Эталонной для рассматриваемого периода в глобальном масштабе выступала работа советских реставраторов, подробные публикации о методах которых размещались в изданиях ЮНЕСКО. В 1968 г. в «Курьере ЮНЕСКО» на цветной вкладке были опубликованы работы Московской реставрационной мастерской Игоря Грабаря, сопровождавшиеся рассказом об успехах восстановления деревянных скульптур и икон. Особо упоминалось наличие в разных республиках СССР значительного количества высококвалифицированных специалистов в сфере сохранения культурного наследия (*Masterpiece of Russian Art*, 1968). Под заголовком «Сага об утраченных армянских манускриптах» в 1973 г. была опубликована статья Давида Фикса о Метенадеранском архиве, который обозначается в качестве «великого наследия». Помимо истории об утратах и находках рукописей, в статье подробно описывается образцовая советская система каталогизации манускриптов: упоминались «последние научные и технологические инновации», уникальные разработки химической и микробиологической лаборатории архива, работа с наиболее хрупкими рукописями при помощи желатиновых составов, микрофильмирование раритетов (*Fiks*, 1973). Разумеется, подобные публикации сосуществовали с массивом чисто пропагандистских статей, повествующих о советских успехах в сфере культуры и образования в традиционном стиле цифр и лозунгов.

Иллюстративным примером советской экспертности в международных культурных пространствах между Сциллой культурного интернационализма и Харибдой идеологических факторов является Мирза Исмаилович Махмутов (1926–2008). Он обладал канонической советской биографией: начав механизатором сельского хозяйства, более десяти лет служил в армии, где приобрел специальность военного переводчика и связал свою дальнейшую деятельность с редкими восточными языками, в том числе в статусе преподавателя Казанского университета. Далее на посту министра просвещения Татарской АССР Махмутов активно занимался развитием дидактики в лингвистике, издавал словари и справочники для школьников. К моменту работы в ЮНЕСКО он владел семью языками, что позволило ему успешно интегрироваться в проекты развития просвещения в постколониальных странах. В составе международной группы он принимал участие в составлении экспериментального плана ликвидации неграмотности в Алжире, который позже был положен в основу Всемирной экспериментальной программы ЮНЕСКО. В качестве представителя СССР выезжал на различные международные совещания и конференции по вопросам просвещения в Париже, Бангкоке, Джабалпуре, Алжире, Каире, ОАР, Дамаске, выступая и публикуясь на английском и арабском языках. С 1967 г. Махмутов был утвержден членом Международного консультативного комитета ЮНЕСКО по распространению грамотности (ГАРФ. Ф. 9519. Оп. 1. Д. 179. Л. 148–149).

Мы можем предположить, что одним из факторов успешности стала именно советская языковая подготовка, уникальная для экспертного состава ЮНЕСКО. В конце 1960-х гг. кандидатура Махмутова рассматривалась в связи с замещением поста директора Отдела распространения грамотности Департамента образования взрослых и работы с молодежью в самой штаб-квартире ЮНЕСКО, а также в рамках конкурса на пост руководителя проектов по ликвидации неграмотности в Иране и Индии. Индийская сторона была заинтересована именно в советском специалисте, в то время как на пост директора в самой ЮНЕСКО из соображений политкорректности планировалось поставить представителя из развивающихся стран. Советскую же сторону не устраивал уровень номенклатуры, который был определен для поста руководителя проекта в Индии: должностью республиканского министра просвещения в переписке между Москвой и Парижем обосновывались претензии на более высокий статус и оплату Махмутова в качестве руководителя проекта. Несмотря на обещания руководства ЮНЕСКО ввести специальный пост для Махмутова, похоже, закулисные переговоры зашли в тупик, ибо после 1967 г. высококвалифицированный эксперт перестал работать в структурах международных организаций, сосредоточившись на деятельности внутри СССР.

Советские эксперты играли ключевую роль в международных проектах в области распространения грамотности. Представления о стране, прошедшей в кратчайшие сроки путь от «безграмотности к космонавтике» [Elyin, 1967], позволяли транслировать опыт по созданию учебных планов, внедрению технических и естественно-научных дисциплин, обучению национальных кадров, разработке и публикации учебников. Международный авторитет советского образования привел к тому, что успешные проекты, реализованные специалистами из СССР в рамках ЮНЕСКО, перенимались и в деятельности других организаций. К примеру, подготовленная для Индии под эгидой ЮНЕСКО программа естественно-научного образования с участием группы советских экспертов была учтена при разработке американо-индийского проекта для начальной школы. Развернутые списки тем, необходимые к изучению младшими школьниками для создания преемственности обучения, нашли отражение в текстовых материалах и были внедрены в практику с 1968 г. (ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 154. Л. 1–16).

С другой стороны, идеологическое противостояние холодной войны отрицательно влияло на трансфер знаний в области образования. На уровне руководства советские специалисты стремились транслировать собственные образовательные парадигмы на развивающиеся страны практически без их адаптации к местным условиям и к альтернативным образовательным трендам. Например, в упоминавшемся индийском проекте Министерство просвещения СССР отказалось внедрять принцип тестирования для отбора одаренных учеников по естественно-научным дисциплинам со ссылкой, что «советская педагогика отвергает эту систему» (Там же. Л. 16). Неудивительно, что и сами эксперты часто интерпретировали входящую информацию сквозь растр пропагандистских канонов, поддерживая тем самым структуры биполярного конфликта, несмотря на интенсивное приобщение к транснациональному образовательному опыту. Так, руководитель индийского проекта А. Балезин воспользовался предложением ознакомиться с экспериментальной системой обучения в английских школах и совершил поездку в Великобританию, однако отверг возможность заимствования этой системы, ссылаясь на дороговизну, неустойчивые результаты и несовпадения с советскими образовательными канонами (ГАРФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 881. Л. 24). Командированный в 1972 г. на ежегодную конференцию Международного института планирования образования В. Онушкин оценивал эксперимент по созданию при западных университетах консультативных органов для студентов исключительно как политическое заигрывание с массами молодежи после волны протестов и в целях предотвращения ее повторения (Там же. Д. 1765. Л. 13). Более выраженную линию по блокированию несоциалистических инициатив в сфере высшего образования (к примеру, создания глобального университета, созыва форума свободной молодежи) проводили советские сотрудники секретариата в Париже (Там же. Л. 25).

Заключение

В логике холодной войны отбор советских специалистов в когорту международных экспертов проектов ЮНЕСКО по сохранению культурного наследия и распространению грамотности превратился в сложный клубок идеологических, политических, экономических, статусных и личностных интересов. Курирующие органы лавировали между официальными параметрами отбора, установленными международной организацией, престижностью постов и проектов, стремлением соблюсти баланс капиталистических и социалистических государств и выдержать квоты трех союзных республик, учитывая при этом давление спецслужб. ЮНЕСКО и принимающие страны делали больший упор на квалификацию, опыт, знание языка, гендерную принадлежность и включенность конкретного лица в международные экспертные сети. Но и их требования определялись политической конъюнктурой и ситуативными соображениями. В связи с тем что основная часть экспертных проектов осуществлялась в постколониальных странах, их представители пытались использовать структурные уязвимости ЮНЕСКО и конфликты между идеологическими соперниками для получения дополнительных преференций. Представляется, однако, что к началу «долгих 1970-х гг.» все стороны усвоили правила игры и разработали официальные и закулисные стратегии приспособления, что позволяло системе относительно плодотворно функционировать.

Советское экспертное знание на пороге «второй волны глобализации» выступало признанным фактором стабилизации и развития глобальных порядков. В сфере сохранения культурного наследия и развития грамотности Советской Союз представлялся в образе страны,

прошедшей в кратчайшие сроки путь «от безграмотности до космонавтики». Обладание инновативными технологиями и богатым опытом в данной сфере (особенно в среднеазиатских республиках) являлось особо привлекательным и для целей ЮНЕСКО, и для постколониальных стран. Это позволяло советской стороне транслировать собственные концепции и практики без особых адаптационных усилий. Обратной стороной сложившейся модели трансфера «сверху вниз» стало отторжение инородных парадигм и возможных эффективных приемов, которые и на уровне курирующих органов, и на уровне самих «агентов» отвергались как непригодные к применению. Выступая медиаторами межкультурной коммуникации между «первым» и «вторым», «вторым» и «третьим» мирами советские эксперты действовали в контексте биполярного противостояния и часто блокировали прямой трансфер инноваций в направлении собственной образовательной системы.

Тем не менее вовлечение советских экспертов в международные культурные пространства способствовало транснационализации этой сферы и укреплению глобальных ценностей доступности культурного наследия и грамотности вне зависимости от дискриминирующих факторов разного порядка, в том числе и в самом СССР. Интересно, что советские эго-документы изучаемого периода содержат упоминание интереса к «Курьеру ЮНЕСКО» (и даже практики вырезания и сохранения в самодельных альбомах отдельных иллюстраций), а также к коллекционным изданиям, к примеру русской иконописи, выполненным под эгидой этой организации и распространявшихся в СССР (*Барлас; Вакидин; Гробман; Ларская*). О проникновении глобального культурного интернационализма в советские практики свидетельствуют новейшие исследования К. Келли [Kelly, 2013], М. Ромашовой и А. Клотц [Клотц, Ромашова, 2021], посвященные дебатам вокруг понимания культурных ценностей вне социалистического канона, роли индивидуального наследия в практиках «тихой архивной революции», шире – значимости «сдвигов в понимании эстетики и национальной идентичности» [Kelly, 2013]. Однако для более широкой верификации истории сплетения глобальных ценностей наследия и грамотности в международной и внутрисоветской среде в динамике «долгих 1970-х» требуются дальнейшие исследования.

Список источников

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9519. Оп. 1. Д. 134. Л. 150. Постоянному представителю СССР при ЮНЕСКО 10.6.1965; Д. 149. Л. 155 об. Биографическая справка; Д. 179. Л. 148–149. В президиум Академии педагогических наук СССР. 13.11.1967; Д. 196. Л. 11–12. Из дневника Б.Ф. Ключникова. 28.6.1967; Л. 14. Из дневника В.К. Собакина. Запись беседы с юридическим советником ЮНЕСКО Саба (ОАР). 11.6.1967; Л. 295–298. Ответственному секретарю комиссии СССР по делам ЮНЕСКО т. Вахрушеву. 6.1.1967; Д. 200. Л. 94–97. 15.11.1967. Запись беседы с директором бюро кадров Жераром Боллой; Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 154. Л. 1–16. Справка о работе группы экспертов ЮНЕСКО по перестройке естественно-научных дисциплин в средней школе Индии 1967 г.; Д. 571. Л. 72. Управление Министерства просвещения СССР. 29.4.1968; Д. 881. Л. 24. Краткий отчет о командировке в Париж и Лондон руководителя проекта ЮНЕСКО по реформе естественно-научного образования в средней школе Индии проф. С.А. Балезина. 8–21 июля 1969 г.; Д. 1765. Л. 13. Отчет В.Г. Онушкина о командировке в Англию 7–8 марта 1972 г.; Л. 25. Отчет сотрудника Секретариата ЮНЕСКО проф. Атанасяна Л.С. о работе за 1971 г. 15.3.1972.
- Барлас Л.* Записи дневника [Электронный ресурс] // Прожито: сайт. URL: <https://prozhito.org/note/254113> (дата обращения: 15.01.2022).
- Вакидин В.* Записи дневника [Электронный ресурс] // Прожито: сайт. URL: <https://prozhito.org/person/399> (дата обращения: 15.01.2022).
- Гробман М.* Записи дневника [Электронный ресурс] // Прожито: сайт. URL: <https://prozhito.org/person/129> (дата обращения 8.01.2022).
- Ларская Г.* Записи дневника [Электронный ресурс] // Прожито: сайт. URL: <https://prozhito.org/person/981> (дата обращения: 15.01.2022).
- Мицц И.* Запись дневника [Электронный ресурс] // Прожито: сайт. URL: <https://prozhito.org/note/198170> (дата обращения 8.01.2022).

Непорожний П.С. Энергетика страны глазами министра: дневники 1935–1985 гг. [Электронный ресурс]. М.: Энергоатомиздат, 2000. URL: <https://prozhito.org/person/460> (дата обращения: 15.01.2022).

Шелест П. Запись дневника [Электронный ресурс] // Прожито: сайт. URL: <https://prozhito.org/note/682303> (дата обращения 8.01.2022).

Яницкий О.Н. Выдержки из дневников и записных книжек автора [Электронный ресурс] // Экологический архив О.Н. Яницкого. М., 2014. С. 27. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Yanitsky_archive.pdf (дата обращения: 15.01.2022).

Elytin V. From Illiteracy to Astronautics // The UNESCO Courier. 1967. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000025432> (дата обращения: 15.01.2022).

Fiks D. The Saga of Armenia's lost Manuscripts // The UNESCO Courier. 1973. No. 7. P. 27–29. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000074890> (дата обращения: 15.01.2022).

Masterpiece of Russian Art // The UNESCO Courier. 1968. No. 6. P. 18–19. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000078431> (дата обращения: 15.01.2022).

Библиографический список

Клоц А., Ромашова М. «Так вы живая история?»: советский человек на фоне тихой архивной революции позднего социализма // Антропологический форум. 2021. № 50. С. 169–199.

Липкин М.А. Совет экономической взаимопомощи и «глобальный Юг»: логика холодной войны и коммерческие интересы в период «мирного сосуществования» (1960–1970-е гг.) // История. 2020. Т. 11, № 12-1(98).

Орлов И., Попов А. Руссо туристо: советский выездной туризм 1955–1991. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.

Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М.: Российская политическая энциклопедия, 2018.

David-Fox M. The Iron Curtain as Semipermeable Membrane: Origins and Demise of the Stalinist Superiority Complex // Cold War Crossings. International Travel and Exchange across the Soviet Bloc, 1940s–1960s. Arlington: Texas A&M UP, 2014. P. 14–39.

Doering-Mantaeuffel D. Die deutsche Geschichte in den Zeitboegen des 20. Jahrhunderts // Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte. 2014. Nr. 3. S. 321–348.

Jarausch K.H. [et al.] (eds.). The Cold War: Historiography, Memory, Representation. De Gruyter Oldenbourg, 2017.

Kelly C. From “Counter-revolutionary Monuments” to “National Heritage”: The Preservation of Leningrad Churches, 1964–1982 // Cahiers du Monde russe. 2013. Vol. 54, no. 1/2. P. 131–164.

Mark J., Rupprecht T. The Socialist World in Global History. From Absentee to Victim to Co-Producer // The Practice of Global History. European Perspectives. Bloomsbury Academic, 2020.

Peteri G. Nylon Curtain – Transnational and Transsystemic Tendencies in the Cultural Life in State-Socialist Russia and Eastern Europe // Slavonica. 2004. No. 10/2. P. 113–123.

Soviet World in the Long 1970s. University of Pittsburgh (Center for Russian, East European & Eurasian Studies). URL: <https://www.ucis.pitt.edu/creees/soviet-world-long-1970s> (accessed: 15.01.2022).

Дата поступления рукописи в редакцию 26.01.2022

SOVIET EXPERTISE IN GLOBAL DEBATES ON CULTURAL HERITAGE AND LITERACY ON THE CUSP OF THE “LONG 1970s”

O. S. Nagornaia

Yaroslavl State Pedagogical University, Kotorosl'naya emb., 46-v, 150000, Yaroslavl', Russia
nagornaja.oxana@mail.ru

ORCID: 1-8476-4400

ResearcherID: R-3351-2019

Scopus Author: ID: 35772771500

The 1970s represent a special phase in the development of the Cold War. It begins with détente and culminates in an escalation of confrontation between the political blocs. Regional integration processes accelerate, economic interdependencies become more intense, the influence of transnational corporations grows and international structures are reshaped. Historians use many metaphors as tools of description and analysis – “the second modernity”, “the second wave of globalization”, “the long 1970s”. All of them emphasize the emergence of new global challenges that are relevant for all countries, regardless of their stereotypical classification as “first”, “second” and “third” world. One of the current issues in the research debate is the role of the socialist camp, and the USSR in particular, in the dynamics of these processes. In recent years, there has been a tendency to revise the point of view about the non-viability of the Eastern bloc in the face of new challenges in favour of a more cautious thesis of its intense participation and even a determining role in shaping the global world. The aim of the paper is to demonstrate the role of Soviet expert knowledge in the creation and dissemination of global concepts of cultural heritage accessibility and universal literacy on the threshold of the “long 1970s”. The author examines the extent to which Soviet experts were involved in international project teams working under the auspices of UNESCO in post-colonial countries. Turbulent internal departmental discussions, the organization's professional publications, and first-person documents reveal to the reader a complex web of ideological factors and personal ambitions within the logic of the Cold War and the ideals of cultural internationalism. Open for further research, according to the author, is the question of retransfer of global cultural and educational concepts into Soviet institutional practice.

Key words: Cold War, the long 1970s, UNESCO, cultural heritage, general literacy, Soviet experts.

References

- David-Fox, M. (2014), “The Iron Curtain as Semipermeable Membrane: Origins and Demise of the Stalinist Superiority Complex”, in Babiracki, P. & K. Zimmer (eds.), *Cold War Crossings. International Travel and Exchange across the Soviet Bloc, 1940s–1960s*, Texas A&M UP, Arlington, USA, pp. 14–39.
- Doering-Mantaeuffel, D. (2017), “Die deutsche Geschichte in den Zeitboegen des 20. Jahrhunderts”, *Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte*, № 3, ss. 321–348.
- Jarausch, K.H. et al. (eds.) (2017), *The Cold War: Historiography, Memory, Representation*, De Gruyter Oldenbourg, 317 p.
- Kelly, C. (2013), “From “Counter-revolutionary Monuments” to “National Heritage”: The Preservation of Leningrad Churches, 1964–1982”, *Cahiers du Monde russe*, vol. 54, № ½, pp. 131–164.
- Klots, A. & M. Romashova, (2021), ““So you are living history?”: Soviet people against the backdrop of a quiet archival revolution of late socialism”, *Antropologicheskii forum*, № 50, pp. 169–199.
- Lipkin, M. A. (2020), “Mutual Economic Assistance Council and the “Global South”: Cold War Logic and Commercial Interests in the Period of “Peaceful Coexistence” (1960s-1970s)”, *ENOZH "Istoriya*, vol. 11, № 12-1(98).
- Mark, J. & T. Rupperecht (2020), “The Socialist World in Global History. From Absentee to Victim to Co-Producer”, in Middell, M. (ed.), *The Practice of Global History. European Perspectives*, Bloomsbury Academic, London, UK; New York, USA, pp. 81–115.
- Orlov, I. & A. Popov (2016), *Russo turista: sovetskiy vyezdnoy turizm 1955–1991* [Russo turista. Soviet out-bound tourism, 1955–1991], Izdatel'skiy dom VShE, Moscow, Russia, 453 p.
- Peteri, G. (2004), “Nylon Curtain—Transnational and Transsystemic Tendencies in the Cultural Life in State-Socialist Russia and Eastern Europe”, *Slavonica*, № 10/2, pp. 113–123.
- Shattenberg, S. (2018), *Leonid Brezhnev. Velichie i tragediya cheloveka i strany* [Leonid Brezhnev. The greatness and tragedy of man and country], Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya, Moscow, Russia, 623 p.
- Soviet world in the long 1970s* (n.d.), University of Pittsburgh (Center for Russian, East European & Eurasian Studies), USA, available at: <https://www.ucis.pitt.edu/creecs/soviet-world-long-1970s> (accessed 15.01.2022).